

37. *Центр* документов новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 2. Д. 5. Л. 27.
38. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 87. Л. 12.
39. *ЦДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 109, 113.
40. *ЦДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 105.
41. *ЦДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 17.
42. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 796. Л. 26, 59.
43. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 66. Л. 11, 14.
44. *ЦДНИ* СО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 420. Л. 2.
45. *Центр* документов новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп.1. Д. 294. Л. 24.
46. *Центр* хранения документов новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 444. Л. 35.
47. *ЦХДНИ* СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 131.
48. *IX Всероссийский съезд Советов*. Стенографический отчет. – М., 1922. – С. 38.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ в 1920-х гг.

Ю.А. Яхутль
(Россия, г. Краснодар)

В статье выявлены социальные, демографические и социокультурные факторы развития региональной политической культуры казаков Юга России в 1920-х гг. Установлена фрагментация данной культуры по отношению к государственной политике.

Ключевые слова: региональная политическая культура, казачество, Юг России, 1920-е гг.

The article reveals the social, demographic and socio-cultural factors in development of regional political culture of the cossacks of Southern Russia in 1920-s. Installed fragmentation of this culture in relation to state policy.

Key words: regional political culture, the cossacks, South Russia, 1920-s.

Своеобразие структур сознания российского общества 1920-х гг. можно установить, анализируя систему ориентаций политической культуры. Региональная политическая культура является сложной системой, «мозаичность» которой возрастает в пограничных зонах цивилизаций и государств. Подсистемы региональной культуры могут формироваться по территориальному признаку (городская и сельская); по религии и этничности; по профессиональной и сословной принадлежности; по давности проживания в сообществе. Сущностными признаками субкультуры социальных и этнических общностей можно считать: понимание общественного идеала; отношение к государственной системе и практике ее функционирования; степень удовлетворенности жизненным положением; выдвигаемые требования, формы и способы активности.

Цель статьи – выявить социальные, демографические и социокультурные факторы развития региональной политической культуры казаков Юга России в 1920-х гг. Потребуется установить фрагментацию ориентаций и установок культуры казачества по отношению к государственной политике.

Источниковедческую базу составляют: письма земледельцев родственникам-эмигрантам и во властные структуры, информационные сводки органов ОГПУ и РКП(б), этнографические очерки, статистические сведения о выборах в Советы, публикации газет и журналов.

Единицами анализа являются зафиксированные в письменной форме проявления политической культуры: суждения, требования и лозунги, запросы и просьбы, призывы и предупреждения, обещания и заверения, приветствия, постановления общественных объединений. Динамика ориентаций характеризуется изменениями, как круга значимых проблем, так и политических установок на индивидуальном и групповом уровнях.

Особенности источниковедческой базы, позволяющие делать репрезентативные выводы, – регулярная периодичность официальных сводок о политических настроениях и обзоров писем; полнота охвата объекта анализа; высокая оперативность информирования

органов власти и возможность проследить их реакцию по принятым решениям. Вместе с тем, состояние документов осложняет применение количественных методов.

Территориальные рамки работы составляет Юг России, к которому в данный период можно отнести территорию Северо-Кавказского края (бывших казачьих областей – Донской, Кубанской и Терской, губерний – Ставропольской и Черноморской, а также автономий). Региональная политическая культура 1920-х гг. высоко конфликтна и неоднородна, утрачивала целостность под воздействием противоположных идейных импульсов. В ее недрах формировались классовые, этносословные, территориальные субкультуры. Так, на Юге России существовали устойчивые субкультуры казаков и иногородних. Согласно переписи 17 декабря 1926 г., в Северо-Кавказском крае проживало 2301,9 тыс. казаков (27,5 % всего населения региона) [4, с. 7–11]. Принадлежность к ним значила подчас больше в повседневной жизни, чем имущественный достаток человека.

В условиях нэпа сосуществовали официальная и традиционная политические субкультуры. Их взаимопроникновение развивалось постепенно, в конфликтных формах. Привычные формы восприятия государства и повседневные нормы поведения (персонификация и сакрализация власти, правовой нигилизм, этатизм и т.д.) исподволь пронизывали диктуемую свыше идеологическую схему и «адаптировали» ее. Но создание целостной советской политической культуры достигнуто только в 1930-х гг., что выходит за рамки нашего исследования.

Проблемы региональной политической культуры казачества 1920-х гг. долгое время не находили должного отражения в исторической науке. Советская историография ограничивалась беглым упоминанием общественных настроений казаков, делая акцент на противопоставлении имущественных слоев – бедняков, середняков и кулаков [2, с. 18]. В современных исследованиях проблема освещается чаще всего с точки зрения взаимовосприятий казачества и власти, отношения казаков к мерам партийно-государственной политики. Таковы работы А.В. Баранова [1, с. 267–312] и Д.Э. Пеннер [9, с. 23–26]. Вместе с тем, преобладает эмпирический подход к теме, уделяется мало внимания социальным и этнокультурным аспектам формирования политической культуры казаков в условиях нэпа.

На большей части Юга России носителями культурной традиции являлись казаки. Казачья община выступала по отношению к переселенцам как целостный организм, обеспечивающий ценности и ориентации поведения. В общинном землепользовании находилось свыше 80 % обрабатываемых земель, вплоть до 1928 г., до начала коллективизации [8, с. 22–34]. Земельные общества и контролируемые ими местные Советы во многом определяли политическую ситуацию в станицах.

Мировосприятие казачества определялось, прежде всего, жизненным укладом. В 1920-е гг. сохранялась земельная община, хотя власть упразднила ее сословную замкнутость и привилегии. Доминировала занятость в сельском хозяйстве. Так, горожане составляли по переписи в декабре 1926 г. только 153,6 из 2302 тыс. (6,7 %) казаков Северо-Кавказского края, а среди всех жителей региона – 18 %. Сельскохозяйственные занятия оставались основными для 98 % казаков бывшей Кубанской области, а среди всего населения территории – 85 % [4, с. 3–11].

Быт казаков пронизывали православная вера, устой патриотизма, уважения к старшим, трудолюбия. Основой традиционного казачества было неразрывное сочетание профессиональной воинской службы, общинного землепользования и религиозности. Казаки обладали многовековым опытом самоуправления, были грамотнее других групп станичного населения. В частности, в 1913 г. 47 % кубанских казаков относились к категории грамотных [7, с. 100]. Перепись 1920 г. зафиксировала уровень грамотности всего населения Кубано-Черноморской области – 32,7 %, в т.ч. среди сельского населения – 32,6 % [11, с. 3, 4, 7]. К концу 1926 г. на этой территории достигнут уровень грамотности сельского населения 41 % [12, с. 75].

Эти обстоятельства объясняют, почему большинство казаков восприняло нэп как «новую хитрость коммунистов» и сохраняло устойчивую обособленность, надеясь восстановить войсковую организацию, атаманское правление и былые преимуще-

щества [15]. В связи с сословным характером противоречий трудно отличить требования зажиточной группы от середняков. Их сплачивала общность самосознания тем большая, чем радикальнее власть проводила расказачивание. Источники свидетельствуют о стремлении казаков вытеснить иногородних из земельных обществ и станичных Советов, поддерживать своих кандидатов на выборах, не допускать молодежь и женщин к решению общественных дел [13]. В их сознании господствовала идея незаконности советской власти как временного зла. Сохранялась вражда с переселенцами, стойкая верность автономии казачьих областей [18]. Высоко ценились традиционные личные качества политика: образованность, религиозность, состоятельность его хозяйства, зрелый возраст [10, с. 63]. Этносоциальная самобытность казаков проявилась также в корпоративных знаковых системах – в ношении холодного оружия и формы, в соблюдении вековых обрядов и стремлении нести воинскую службу в традиционном виде. Символика в повседневной жизни 1920-х гг. занимала важное место как отличие «наших» от «чужаков».

Распад общности казачества сдерживался особенностями социальной структуры. В 1927 г. власти считали середняцкими 56 % всех сельских и 73–75 % казачьих семей Северо-Кавказского края [8, с. 58–59]. Система мер аграрной политики РКП(б), имевшая классовую направленность, одновременно способствовала уничтожению культурной целостности казачества – его расслоению. Расказачивание в мирных условиях шло в формах произвольной перекройки границ региона, уравнительного передела земли, свертывания рыночных отношений, усиления контроля партии над Советами и общественными организациями. По мере расказачивания рос раскол политической культуры. Оппозиционность выражалась разнообразно. Преобладали сторонники демократической федеративной республики и эсеровского «трудовластия» [13]. Среди пожилых и зажиточных казаков сохранялись монархические традиции [2, с. 18]. Искренне признало советский строй только меньшинство казаков (молодежь, бедняки и баграки, горожане, малообразованные слои).

Первый, «рыночно-демократический» тип политической культуры отмечен у малочисленного предпринимательского слоя и интеллигенции. Представители данного типа были наиболее образованными и рационально мыслящими в станицах. Они не стремились к военному свержению большевистской системы, а надеялись на ее перерождение и использовали легальные структуры (Советы, земельные общества, кооперацию и т.д.) [17]. Например, зажиточный слой казачества требовал возродить дореволюционный порядок землепользования, ввести свободу внешней торговли, реабилитировать политзаключенных и «лишенцев», обеспечить конституционное равенство прав для хлеборобов и рабочих [5, с. 48]. Зажиточные казаки расценивали либерализацию режима в середине 1920-х гг. как признак слабости РКП(б) и возможность разложить власть изнутри.

Второй, «общинный» тип политической культуры имел сравнительно широкую опору в середняцкой и зажиточной группах. Среди них проявлялись как консервативные настроения (религиозность, антисемитизм, жалобы на цены и налоги), так и обновленчество (поддержка просвещения, доверие к власти) [16]. Именно выразители этих настроений определяли облик нэповской станицы, в наибольшей степени выражая ориентации общины. И рыночная конкуренция, и политика власти размывали целостность общинного типа. Его лозунги сосредотачивались на исправлении советской системы. Если зажиточные желали создать «Союз хлеборобов» как оппозиционную партию, то середняки – как легальный канал защиты хозяйственно-культурных интересов. Характерным было осуждение частной собственности со стороны кубанских казаков: «Ни сонца, ни мисяца, ни земли продавать нельзя» [10, с. 63].

Именно сторонники «общинного» типа наиболее часто поддерживали идею региональной и этносословной самобытности. Они выступали за сильную личную власть. Показательно их миролюбие: «Пусть будут налоги, но не будет войны». Идеологическая непримиримость ВКП(б) и карательные меры ставили заслон данным ориентациям, но справиться с ними сложнее, чем с антисистемной оппозиционностью.

Третий, «уравнительно-коммунистический» тип, который поддерживало бедняцкое меньшинство казаков. Ему присущи противоречивые черты. Система власти декларировала интернациональные модернизаторские ценности. Судя по источникам, сторонники большевизма проявляли революционный энтузиазм, «классовую» нетерпимость к инакомыслящим, оптимизм в отношении будущего, мессианские ожидания мировой революции [9, с. 23–26]. Сторонники власти проявлял черты: культ насилия и волевых решений, поддержку классовых привилегий, вождизм. Для них показательна неукорененность, малообразованность. Характерны пренебрежение к индивидуальному труду как безысходно-убыточному, надежда на государственную помощь, поддержка колхозов, требования увеличить налоги для зажиточных и отменить привилегии чиновников [6, с. 14]. Спектр их отношения к власти широк – от призывов к истреблению «перерожденцев» до слепого ревностного исполнения директив. Парадоксальным образом анархические настроения сочетались с требованиями установить твердую личную власть.

Таким образом, региональная политическая культура казачества Юга России 1920-х гг. крайне неоднородна и конфликтна. Будучи культурой переходного времени, она порождала противоречивые идейные стремления и испытывала их обратное воздействие. Раскол на традиционную и модернизаторскую субкультуры прошел сквозь толщу этнических, классовых, сословных структур сознания.

Мировосприятие казачества определялось, прежде всего, традиционным жизненным укладом. Казаки были грамотнее других групп станичного населения, обладали многовековым опытом самоуправления. Советская власть, разрушавшая систему профессиональной воинской службы, религиозности и общинности казаков, не стала легитимной для них. В условиях 1920-х гг. носителем казачьей самобытности осталась земельная община и семья, особым уважением пользовались представители дореволюционной элиты. Трудно провести четкую грань между ориентациями зажиточного и середняцкого слоев казачества. Их сплачивало общее самосознание. Искренне приняла большевизм только малочисленная часть казаков – бедняки и батраки. Земельные реформы и коллективизация раскололи политическую культуру казаков, разрушили их обособленность от «иногородних» крестьян.

Список литературы

1. **Баранов А. В.** Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики / А. В. Баранов. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1999. – 345 с.
2. **Горюнов П.** О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа) / П. Горюнов. – Новочеркасск : Изд-во Донского комитета РКП(б), 1925. – 32 с.
3. **Информационный** листок Объединенного совета Дона, Кубани и Терека. – Париж, 1925. – № 12. – С. 21–22.
4. **Казачество** Северо-Кавказского края: Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. – Ростов н/Д. : Изд-во Сев.-Кав. краев. стат. управл., 1928. – 99 с.
5. **Крестная** ноша: Трагедия казачества / под ред. В. Сидорова // Дон. – Ростов-н/Д., 1990. – № 5. – С. 40–67.
6. **Кубанская** станица на выборах в Советы (март 1925 г.). – Краснодар : Гос. изд-во, 1925. – 39 с.
7. **Кубанский** сборник. – Екатеринодар : Типография Кубанск. обл. правления, 1915. – Т. 20. – 312 с.
8. **Осколков Е. Н.** Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств) / Е. Н. Осколков. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 307 с.
9. **Пеннер Д. Э.** Взаимоотношение между донскими и кубанскими казаками и Коммунистической партией в 1920–1932 гг. / Д. Э. Пеннер // Голос минувшего. – Краснодар, 1997. – № 1. – С. 23–26.
10. **Революция** в деревне: Очерки / под ред. В. Г. Тана-Богораза. – М. – Л. : Красная новь, 1925. – Ч. 2. – 184 с.
11. **Скворцов С. А.** Грамотность на Кубани: Статист. очерк / С. А. Скворцов. – Краснодар : Изд-во Кубано-Черноморск. обл. стат. бюро, 1923. – 26 с.
12. **Статистический** справочник по Северо-Кавказскому краю. – Ростов н/Д. : Изд-во Сев.-Кав. краев. стат. управл., 1930. – 486 с.

13. *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) Ф. 8. Оп. 1. Д. 31. Л. 40, 45, 135, 158.
14. *ЦДНИК* Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15.
15. *Центр* документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 555–557.
16. *ЦДНИРО* Ф. 7. Оп. 1. Д. 195. Л. 210А–219; Д. 595. Л. 42, 43, 95.
17. *ЦДНИРО* Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 37; Д. 595. Л. 555–557.
18. *Центр* документации новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК) Ф. 5938. Оп. 1. Д. 13. Л. 120–124.

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 1922–1923 гг.:
БОРЬБА С ГОЛОДОМ И ЦЕРКОВЬЮ
(по материалам архивов Астраханской области)

Р.В. Сколота
(Россия, г. Астрахань)

Статья посвящена государственно-церковным отношениям в Астраханской губернии в 1922–1923 гг. в период проведения Кампании по изъятию церковных ценностей. В основе исследования лежат новейшие документы архивов Астраханской области. Автор доказывает, что государственные власти использовали изъятие ценностей из церквей и монастырей не столько для борьбы с голодом сколько для подавления самой Церкви. При этом анализируются методы, используемые местной властью для успешного проведения Кампании (агитация, переговоры, давление). Также автор обращает внимание и на роль общества в этом процессе.

Ключевые слова: Государство, Церковь, Астрахань, изъятие ценностей, общество, голод, агитация.

The article is devoted to state-church relations in the Astrakhan region in 1922–1923's during the campaign to seize church property. In the latest study is based on documents from the archives of the Astrakhan region. The author argues that public authorities have used the removal of valuables from the churches and monasteries not for hunger but for the suppression of the Church itself. In this analysis of the methods used by local authorities for the success of the Campaign (agitation, negotiations, pressure). The author also draws attention to the role of society in this process.

Key words: State, Church, Astrakhan, the removal of property, society, hunger, agitation.

Поводом к началу Кампании по изъятию церковных ценностей стал голод в поволжских губерниях, начавшийся летом 1921 г. Повсеместная организация Комитетов помощи голодающим [6, л. 18], Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи [6, л. 57] не давала ощутимых результатов. На деле организация подобных комитетов стала попыткой местных властей решить проблемы крестьян за счет них самих. Причем сельские жители, как свидетельствуют отчеты с мест, относились к этим комитетам с большим недоверием, что само по себе тормозило их деятельность [8, л. 5]. В Астраханской губернии дело обстояло таким образом, что из всех нуждающихся государство могло прокормить только 15 % [14, с. 4].

С ноября 1921 г. в местной прессе развернулась агитационная кампания против голода. В каждом новом номере помещаются статистические сводки о количестве голодающих по России, звучат призывы о помощи нуждающимся. В газетах начинают появляться первые сообщения о жертвованиях горожан, жителей уездов [28, с. 6]. При этом данные о помощи голодающим со стороны православных приходов нарочито замалчиваются. Впервые о желании и возможности православных религиозных обществ помочь голодающим в астраханской прессе сообщается только в январе 1922 г. [10, с. 4].

В начале марта 1922 г. агитационная кампания против голода постепенно меняет свой курс. В газетах появляются статьи как бы напоминающие населению о хранящихся в православных церквях богатствах, которые могут быть использованы для помощи бедствующим [11, с. 3]. Но уже 12 марта под заголовком «Святая простота» в газете «Коммунист» выходит статья о сокрытии приходским советом Успенского собора денег собранных для голодающих [31, с. 3]. В той же газете, от 17 марта (№ 61),